

Выставка картинъ А. Рыбникова

Въ самомъ концѣ выставочнаго сезона. въ тусклой и безпросвѣтной вереницѣ московскихъ выставокъ, божья казакость, что и сказать нечего, да и жалко устали—наконецъ обрадовала маленький, но серьезный и вдумчивый уголокъ живописной культуры на выставкѣ А. Рыбникова.

Можетъ быть, слово культура слишкомъ чуждо для работъ А. Рыбникова. можетъ быть, дилетантизмъ художника слишкомъ тому противополагать, но проработавъ много живописныхъ заданій, осмысленность художественныхъ плановъ, искреннее стремленіе къ серьезной работѣ—все это характеризуетъ работы Рыбникова какой-то отпавшей отъ речнаго волненія, и съ выставкой уходитъ какъ-то глубоко примиреннымъ.

И это смиреніе, эта прищипленность съ художникомъ рождается не отъ сознания, что передъ вами большой живописецъ, не отъ убѣжденія, что вы увидѣли воплощенными стремленія мастера. о нѣтъ, совсемъ, совсемъ во вниманіи мотивахъ.

Думаю, что Рыбниковъ и не исключительный мастеръ, и не своеобразный талантъ, и не пророкъ немого, и не изумительный, —онъ по-просту вдумчивый работникъ, идущій скромнымъ, неспешнымъ шагомъ по вѣрной и большой дорожкой.

Въ его творчествѣ преломляются разнообразныя тѣни, но все они отъ большихъ и вѣчныхъ солнць, свѣтящихъ въ живописномъ мѣрѣ.

Здѣсь сходятся истоки вѣковъ съ могучимъ и суровымъ мастерствомъ; претянуть и раздуть цѣлѣныя лоскуты народныя глубины; создаютъ форму простоты—принципы сезона; строятъ композицію изъ основныхъ началъ изъ элементовъ—планы Пивассо; пагчаютъ вникать и чувствовать вещь — приемы кубизма; и все облагораживается и уравновѣшивается художественнымъ вкусомъ и чуткостью, выходящими отъ французовъ.

Если сравнивать, то можетъ быть, пришлось бы приложить слишкомъ много и русскихъ и западныхъ именъ, явленіе которыхъ коснулось разнообразныхъ работъ Рыбникова, но сравненіе—отрава удоволь-

ствія, какъ сказалъ кто-то. и пусть чуждый духъ эмигранта и незримое витасть въ этихъ полотнахъ—я въ нихъ вижу такое же стремленіе художника достигнуть большого и вѣчнаго въ живописи.

Да, можетъ быть, здѣсь и много лишняго, и много имени, но одно имя здѣсь отсутствуетъ—это вульгарность.

Н. Тарабунинъ.

ТЕАТРЪ

В. Н. Давыдовъ.

Великое очарованіе Давыдова, чья московскія гастроли были таинкимъ чудомъ, завершилъ трихомъ „Болѣе сезона“—не только въ сферѣ искусства, но и въ области чистого интуитивнаго, изъ души идущаго и натурой питающаго творчества, но и въ проявленіи до конца разрабатанной, завершенной въ мѣлкихъ штрихахъ своихъ техники. „Форма“ и „душа“—„школа“ и „духъ“—являютъ въ его мастерствѣ нечто глубоко гармоничное. Талантъ поэтическаго челоука, онъ можетъ быть, трагическимъ, но никогда не достигавъ сентиментальности, и заставляетъ смѣяться, самъ никогда не впадая въ вульгарную буффонаду. Обладая несомненнымъ даромъ живого и мягкаго юмора (Расширень въ „Свадьбѣ Кречинскаго“), онъ поднимается на высоту подлинной трагедіи въ „Нахлебникѣ“, создавая образъ жгучаго и скорбнаго Кузовкина чертами непреклонно сильными и яркими.

Съ легкостью поистинѣ интуитивной, балансируя на грани фарса—онъ не впадаетъ онъ въ шаржъ—Давыдовъ, игралъ „голубую соборъ“ Расширень, и то же время показывать и само по себѣ подлинное человеческое лицо, чувство, достойное сожалѣнія, чуждое сентименту. Поэтому никогда не переступаетъ онъ той грани, отделяющей подлинно комическаго отъ грубо-фарсового. Чувство художественной меры и такта не позволяетъ ему, реалисту—продолжателю традицій, становиться на ногахъ комедіи въ роляхъ едва ли не трагическихъ (Кузовкина играетъ въ Италіи трагикъ Норманн), и заставляетъ его лишь улыбаться такъ, какъ